

Коммунарская методика и коммунарское движение: судьба субкультурного феномена

Р.В. Соколов,

действительный член Академии педагогических и социальных наук (АПСН), социальный инноватор СССР, кандидат педагогических наук

Н.В. Соколова,

социальный педагог, социальный инноватор СССР

Как утверждал В.А.Караковский — доктор педагогических наук, академик РАО, работавший директором школ в Челябинске и Москве, с 1963 года и до ухода из жизни применявший коммунарскую методику в своей школе, «Коммунарская методика» — это то, что осталось от движения и организации, что отсеяно и проверено временем». Но ведь и в реальной жизни объединений, называвших себя «коммунарским», с самого их начала какая-то методика уже была: И.П. Иванов и его сподвижники по коллективу педагогов-исследователей, который назывался «Союзом энтузиастов» (СЭН), начали создавать детское объединение, названное ими «Коммуной юных фрунзенцев» (КЮФ) не «с пустыми руками». СЭН уже имел некоторые «методические наработки», положившие начало «коммунарской методике».

«...Есть "Архипелаг ГУЛАГ", но нет в массовом сознании погибшей Атлантиды детских клубов, коммун, секций. Она просто ушла под воду...»

Ольга Мариничева,
публицист

Можно, конечно, теперь применять её многочисленные элементы «механически», не зная, почему, для чего и как они появились. И на практике так оно огромное множество раз и было. Ведь «трансляторами» часто были сами дети и подростки. Зачастую они её постигали неосознанно, как постигают маленькие дети правила игры. Недаром часто приходилось слышать: «У нас никто никого не воспитывает. У нас просто живут». И возвращаясь из летнего лагеря юных коммунаров, многим удавалось кое-что (например, некоторые коллективные творческие дела) проводить (и даже без взрослых) с младшими друзьями или сверстниками. И многие обычаи воспроизводились так же (при том, что дети могли и не знать, что обычаи тоже входят в «методику»).

Поэтому рассказ о коммунарской методике невозможно ограничить трактовкой этой методики как педагогической технологии.

«Коммунарская методика» не сводится к набору правил проведения коллективных творческих дел (КТД). Неслучайно И.П. Иванов вскоре после выхода из печати книги «Коллективные творческие дела коммуны им. Макаренко», по словам его коллеги Л.Г. Борисовой, стал говорить, что это «самая вредная книга», поскольку её многие стали воспринимать чуть ли не как готовые сценарные планы. Методику КТД нужно рассматривать лишь как важный компонент в жизни коммунарского коллектива, коммунарского движения и даже в более широком контексте — как компонент коммунарства. А это явление гораздо шире, чем педагогическое или даже социально-педагогическое.

Доктор педагогических наук М.Г. Казакина пишет, что «суть коммунарской методики — в организации определённого образа жизни коллектива». Вот это уже более «подходящий масштаб». Хотя и «коммунарский образ жизни» можно считать элементом методической системы И.П. Иванова. А доктор педагогических наук А.В. Мудрик предлагает рассматривать коммунарство «как социальное явление», и даже как «часть культуры». И при столь широком культурологическом рассмотрении «коммунарская методика» будет лишь составной частью. И действительно, это явление не «узко» педагогическое, а, безусловно, культурное (во всяком случае, субкультурное). Интересно отметить, что в конце 60-х годов, когда педагогическая и комсомольская пресса всё более тщательно «замалчивала» всё «коммунарское», оно начало «пробиваться» в учебнике «Клубоведение» и в учебных пособиях для студентов институтов культуры, на страницах журнала «Клуб и художественная самодеятельность». Будучи «вытесненными» из «экологической ниши» школы и внешкольных учреждений, некоторые энтузиасты «организации досуга подростков по-коммунарски» стали работать с детьми в детских секторах Домов культуры.

Чтобы обозначить «в первом приближении» то, что входит в понятие «ком-

мунарство», приведём ряд терминов из педагогических, психологических, социологических и других работ, а также из массовой периодики.

...Появление этих феноменов в основном относится к известному периоду «оттепели» 60-х годов, но имеют свою дальнюю предысторию, ближнюю и дальнейшую «последействие» (термин И.П. Иванова). И они имеют для нас не только историческое значение.

К дальней предыстории можно отнести то, что в дореволюционной России называлось «общинножитием» и «детским сообществом» (С.Т. Шацкий), а в более поздний период — «пионерское движение» 20-х годов, опыт А.С. Макаренко, «тимуровское движение».

К ближней предыстории можно и нужно отнести опыт И.П. Иванова и его коллег (ленинградских учителей и вожатых), объединившихся в 1956 году в «Союз энтузиастов» (СЭН) и создавших в 1959 году сводную пионерскую дружину Фрунзенского района Ленинграда, вошедшую в историю детского движения под названием «Коммуна юных фрунзенцев» (КЮФ).

К собственной истории рассматриваемого феномена следует отнести деятельность КЮФа в 60-е годы, деятельность многочисленных клубов юных коммунаров (КЮК), возникавших по примеру КЮФ с 1962 года в разных городах страны и получивших общее название «движение юных коммунаров» (иногда называли короче — «коммунарское движение»).

К ближнему последствию следует отнести, последовавшие за «коммунарским движением» «движение педагогических отрядов» 70-х годов. Таким образом, говорить о «феноменологии» того, что имеет отношение (и почти всегда — очень важное отношение) к перечисленным в начале статьи словам и словосочетаниям, — дело очень не простое.

Те, кто «толкует» о рассматриваемом нами феномене, говоря о «коммунарстве»,

исходят из разных «субъективных установок», которые сложились при знакомстве и «постижении» ими «коммунарства». Одни, ещё будучи детьми или подростками, побывали на «коммунарском сборе», в «коммунарском лагере» или участвовали в работе «коммунарского клуба». У них один образ увиденного. Другие и сами стали организовывать нечто подобное. У них уже другой образ. Они увидели во всём этом не только интересную, яркую, счастливую жизнь, содружество детей и взрослых, но и средство для изменения окружающей жизни в сторону приближения её к гражданскому обществу.

Литературы о коммунарском движении и коммунарской методике в начале и середине 60-х почти ещё не было. Теперь, увы, многие знают и толкуют о «коммунарстве» как о некоей «виртуальной реальности». Хотя и ныне в ряде городов есть коллективы, работающие «по-коммунарски». Раньше (в середине 60-х и где-то до середины 70-х) нам (как руководителям подростковых клубов и педагогических отрядов) было проще простого поехать «с зелёными новичками» на «настоящий коммунарский сбор» (или в лагерь) и можно было быть уверенным, что там ребята «окоммунарятся» (заразятся коммунарством).

Попробуем совершить погружение в «изначальное» коммунарство и коммунарскую методику (конца 50-х и начала 60-х). Ну, хоть чуть-чуть. Сподвижники И.П. Иванова не случайно редко соглашались написать короткую статью об этой методике. Трудно на это решиться, если даже сам И.П. Иванов не оставил нам краткого текста своего коммунарского «символа веры». Его книга «Формирование юных общественников и организаторов», изданная в Ленинграде в 1969 году, имеет 119 страниц. В другой его книге «Методика коммунарского воспитания», изданной через 20 лет (в 1989 г.) в Москве издательством «Просвещение», — 143 страницы. А в книге, изданной в Рязани ещё через 5 лет (в 1994), «Звено в бесконечной цепи», — 120 страниц. А в книге об Иванове и того больше.

Попробуем взять за основу описание основных компонентов коммунарской методики, их смысл и значения из статьи «Коммунарская методика» Российской педагогической энциклопедии (РПЭ). И прокомментируем это описание. Его автор — педагог О.С. Газман. В середине 60-х годов он, будучи заместителем начальника Управления Всероссийского пионерского лагеря «Орлёнок», много сделал для того, чтобы на основе коммунарской методики, как образно выразилась доктор педагогических наук Т.Н. Мальковская, «постепенно, как огонь на торфяном болоте, вспыхивали «очаги» коммунарской организации в разных частях Союза (СССР)». «Вспыхнуло» то, что получило название «Движение юных коммунаров».

В начале 90-х годов О.С. Газман уже не скрывал, что «коммунарская методика» возникла как альтернативная авторитарной командно-бюрократической системе воспитания. Она противостояла негативным сторонам официальной школы и педагогики 40—70-х годов — «бездетной педагогике», «педагогике массовых мероприятий», парадно-показной демонстрации коллективных достижений.

В основе коммунарской методики — неприятие дисциплины, основанной на безоговорочных требованиях чиновничества в самоуправлении, фразёрства и демагогии, педагогического высокомерия». В книге «Коммунарская методика как феномен педагогической действительности», изданной в Костроме в 1989 году (по итогам заседания Научного совета, проходившего в АПН СССР 30 ноября — 1 декабря 1987 года), помещены материалы двадцати исследователей коммунарского феномена, в том числе статья самого О.С. Газмана «Проблемы развития коммунарской методики». При этом заметим, что О.С. Газман в статье для РПЭ уделяет «технологическим аспектам» методики не больше половины статьи. Он пытается вскрыть цели её создания, идеологию, касается её истории. И это понятно, ведь на самом деле это не просто технология, а система идей, дел и отношений,

это педагогическая система. А ещё это и образ жизни. Всё это послужило основой для появления не только того, что получило название «коммунарское движение» (в 60-е годы), Мы имеем в виду («движение педагогических отрядов» (70-е годы).

Итак, последователь И.П. Иванова и пропагандист коммунарской методики, кандидат педагогических наук в «Российской педагогической энциклопедии» (РПЭ) в 1993 году писал следующим образом: *«Коммунарская методика, система условий, методов, приёмов и организационных форм воспитания, обеспечивающая формирование и творческое развитие коллектива взрослых и детей на принципах гуманизма».* (с. 457). Заметим, что во второй половине 60-х годов бытовало определение «система идей, дел и отношений». А вот когда он пишет, что *«основная цель и результат применения коммунарской методики — раскрепощение личности и воспитателя, и воспитанника, формирование гуманистического мировоззрения, гражданского самосознания человека, его способности к социальному творчеству, нравственному самоопределению»*, то здесь нужен комментарий.

Что касается цели, то это её понимание не понимание И.П. Иванова, а понимание ряда его последователей, в т.ч. О.С. Газмана.

Первоначальной целью было то, что Иванов выразил в названии книги, выпущенный издательством «Педагогика» в 1982 году, — *«Воспитывать коллективистов»*. Это хорошо иллюстрирует один из «законов-девизов» Коммуны юных фрунзенцев, сочинённый И.П. Ивановым: «В коммуне друзья живут без «я», всем на удивление одно местоимение «мы». (Главы из книги «Фрунзенская коммуна», опубликованные в юбилейном номере журнала «Юность» (ноябрь 1967 г.!) под названием «Восемь лет — девятый». Интересно, что в двух последующих (и уже полных) изданиях этой книги (1969 и 1972 годы) этот «закон-девиз» составителем книги С.Л. Соловейчиком из тек-

ста убран). И нетрудно догадаться, почему. У И.П. Иванова (с одной стороны) и у С.Л. Соловейчика с. О.С. Газманом (с другой стороны) отношение к идее коллективизма (мягко говоря) всегда было очень разное. И это не надо забывать. Что касается «результата» (если иметь в виду «результат охвата» в дальнейшем «последствиях») (спустя десятилетия), то он порой подвергается серьёзному сомнению.

По свидетельству С.Л. Соловейчика, работники «Комсомольской правды» якобы считали, что «примерно 250 тысяч ребят воспитывались по-коммунарски». Во всяком случае результат, о котором пишет О.С. Газман, был «ожидаемым результатом». И о том, что он в той или иной мере достигался, пишут многие авторы. В статье 1978 года Газман пишет: «Ко времени Коммуны юных фрунзенцев (КЮФ) была сформирована методика коллективной организаторской деятельности». Этот подход осуществил И.П. Иванов со своими друзьями по «Союзу энтузиастов» в Ленинграде.

С самого начала были «огоньки». Это общие сборы (собрания) отряда или всего коллектива. Это как бы законодательная власть. Соотношение ДК (дежурный командир) и огонька было определено категорически: «Утверждаем на века демократию ДеКа, диктатуру «Огонька»!». Это соотношение было названо «Законом коллективной власти». А всегда ли эта демократия осуществлялась? Всегда ли «Огонёк» (общее собрание) было высшим органом? Всегда ли важные вопросы решались действительно единогласно (или хотя бы большинством)?

На самом деле бывало (и не только в исключительных случаях), когда жизненно важные вопросы решались меньшинством или даже ... группой взрослых... гостей.

Это сообщение может показаться полным абсурдом. Но вот яркий тому пример. В книге «Фрунзенская коммуна» приводится «один из первых законов коммуны»: «В коммуне нет начальства, хозяин — кол-

лектив, а кто начальство корчит — тот гнусный, жалкий тип». Летом 1960 года в летнем палаточном лагере труда и отдыха появился загадочный орган под названием «Ревком». Легенду о нём можно прочитать в «книге, написанной ребятами» (если верить надписи на титульном листе) «Фрунзенская коммуна».

О «Ревкоме» подробнее, ведь из-за него основатель КЮФа И.П. Иванов вынужден был покинуть созданную им Коммуну юных фрунзенцев.

И дальнейшая история появления (уже массового) «Движения юных коммунаров» и его развития и до наших дней, можно сказать, (в известном смысле) была уже историей стихийного развития движения юных коммунаров.

Ведь главный «автор» «первой модели» объединения юных коммунаров, вдохновлявшийся опытом А.С. Макаренко, совершенно неожиданно для себя вынужденным был покинуть «Коммуну юных фрунзенцев» летом 1962 года.

Эта грустная история породила много легенд. Одна из них и опубликована в книге «Фрунзенская коммуна». В «Ревком», созданный в летнем лагере труда и отдыха, входили не подростки, а несколько взрослых друзей коммуны. Его ещё называли «Совет друзей КЮФ».

В приложении к докторской диссертации И.П. Иванова «Творческое содружество поколений как условие воспитания юных общественников» (один из четырёх машинописных экземпляров Игорь Петрович подарил Р.В. Соколову; здесь на 660-й странице находим сообщение о взрослых волонтерах в летнем лагере КЮФа — «все они входили в наш «Совет друзей КЮФ», или, как называли этот орган ребята, «Ревком»), возглавлявшийся Ф.Я. Шапиро как методистом Дома пионеров». Это очень важный документ, ибо до сих пор «гуляет легенда», что в «Ревкоме» были подростки. К сожалению, с этими взрослыми волонтерами не была вовремя (до лагеря) проведена надлежащая работа

по ознакомлению с деятельностью «Союза энтузиастов». Не познакомили их и с трудностями первых недель создания КЮФ, когда райком комсомола и РОНО пытались запретить эксперимент и Иванову приходилось срочно ехать в Москву, где он с трудом добился поддержки. Не знали ревкомовцы и о том, что школы отпускали в КЮФ лучших пионеров лишь временно (как в школу пионерского актива для срочного получения новых навыков для пионерской работы в своих школах). Время шло и шло, а «курсанты всё не возвращаются». Это было чревато закрытием такой школы актива (т.е. — КЮФа). И Иванов это прекрасно понимал.

Но «ревкомовцев» (это была ленинградская полубогемная публика) эти проблемы Иванова и КЮФа совсем не интересовали. Никто из них и думать не хотел идти с ребятами осенью в их школы и заниматься там какой-либо пионерской работой. А в литературе об Иванове эта острота ситуации была совершенно скрыта. Акцент был сделан на том, что «вдруг обнаружилось, что И.П. Иванов — руководитель эксперимента». И будто бы именно это не понравилось детям, которые не захотели быть «подопытными кроликами». Иванову научный эксперимент оказался дороже детей, и он добровольно ушёл из КЮФ навсегда... Но на самом деле «бузили» против эксперимента не дети, а взрослые «ревкомовцы». Такое поведение взрослых «помощников» не просто обидело И.П. Иванова, а буквально потрясло. И он навсегда покинул КЮФ...

К сожалению, в том летнем лагере КЮФа И.П. Иванов, не был ни начальником, ни старшим пионерским вожатым. Научный руководитель не имел абсолютно никаких властных полномочий. Научным руководителем он считался у себя в НИИ. На самом деле административным руководителем была методист РДПШ Ф.Я. Шапиро. Фактически Иванов был лишь её консультантом. И это обстоятельство таило в себе большую угрозу. В «Ревкоме» решало большинство, «Ревком» стал своего рода «теневым правительством» с преобладанием функций законодательной и судеб-

ной власти. Его членами были взрослые люди. А И.П. Иванов был лишь бесправным волонтером.

Должностные полномочия Ф.Я. Шапиро, помноженные на педагогическую безграмотность «ревкомовцев» (при полной юридической бесправности И.П. Иванова и его романтизме), были изначально «взрывоопасной смесью», чреватой конфликтом, который не мог не возникнуть рано или поздно. Конфликт возник и привёл к ситуации, вынудившей именно И.П. Иванова уйти из созданного им же коллектива. Этот урок как-то затушёван в литературе. А зря. Подобные ситуации должны быть осмыслены, и их «профилактика» должна быть «инструментирована» в методике.

Если И.П. Иванов в чём-то и виноват, то в том, что тогда был слишком увлечён идеей «скрытой педагогической позиции». Ему бы до выезда в лагерь собрать всех этих взрослых и устроить для них «ликбез». Кто поймёт и примет, тех взять в лагерь, а тех, кто не примет, в лагерь не брать. Можно сказать, что возникший конфликт с «ревкомовцами» был предопределён. Позже И.П. Иванов признавался, что в той ситуации он оказался не на высоте... Подобный «Ревком» был и в клубе юных коммунаров «Алый парус» при «Комсомольской правде», но там, в «Ревкоме», руководителем был сам С.Л. Соловейчик. (Но знали об этом только «ревкомовцы»). Видимо, он-то для себя извлёк урок из ситуации с «добровольным» уходом из КЮФ И.П. Иванова...

В других коммунарских коллективах существовало нечто подобное кюфовскому «Ревкому» (под названиями «Штаб», «Совет старших друзей», «Совет комиссаров» и т.п.). Но там инициаторы, подобные И.П. Иванову, были не «сбоку», а во главе.

Деятельность коммунарских «ревкомов» почти не освещена в литературе, можно сказать, замалчивалась (и самими коммунарками в первую очередь). И это понятно (в эпохи застоя и административно-командной системы иначе было опасно). А меж-

ду тем именно в этих «мозговых центрах» зачастую осуществлялось самое важное, без чего трудно понять судьбу коммунарских коллективов и судьбу коммунарской методики. Во второй половине 60-х некоторыми коммунарскими объединениями были придуманы способы сделать более легитимными подобные руководящие органы. Например, советы комиссаров формировались из тех, кто получал от коллектива статус комиссара, а комиссары отчитывались перед общим сбором коллектива. Тем не менее одной из трудноразрешимых проблем в первых коммунарских коллективах была проблема взаимодействия «стариков» и «новичков». Объективно те, кто пришёл несколько лет назад, не могли (даже если хотели) быть «наравне» с «малышами». Да и те же, что год-два назад, коллективные творческие дела (КТД) уже не имели для их развития столь стимулирующего значения, как раньше. И чем дальше, тем жёстче КЮФ принялась торжественно, но неумолимо «выпускать» своих выросших питомцев. Даже если они очень не хотели уходить из коммуны. На «огоньках» в некоторых коммунарских объединениях ежедневно оценивали не только день (или проведенное общее дело), но и работу «дежкомов» отряда (сбора, лагеря). В некоторых объединениях оценивали не цифрами, а цветом (худшая оценка — фиолетовый цвет, лучшая — красный). Бывало, что тут же хором поздравляли «красного командира» или принимали обязательство «прожить следующий день на красный цвет».

Непосвящённым может показаться, что «слишком много времени уходит на говорильню». Но при правильной организации и некотором опыте «огоньки» становятся чрезвычайно эффективным средством воспитания. И не только «коллективного воспитания». Попытались проводить один «огонёк» после нескольких дней, но оказалось, что ребята забывают важные моменты жизни прежних дней.

О.С. Газман справедливо отмечал, что «опыт применения коммунарской методики выявил особую роль коммунарско-

го сбора». В практике сложились различные виды общего сбора («общего круга»): сбор-огонёк (откровенный разговор), сбор знакомства, сбор-разработка коллективного творческого дела, сбор-анализ, а также однодневные, многодневные и летние лагерные коммунарские сборы». Сбор рождал коммунарское братство. Люди, съехавшиеся на три дня из разных городов, с севера и юга, взрослые и дети, будь их сто или двести, уезжая плакали, полагая, что лучше этих людей нет в целом свете.

При этом осуществлялось одновременно и совместное моделирование «лучшей жизни» (в середине 60-х говорили: «моделирование коммунистических общественных отношений»), и «зажигание» новичков (увлечение их), и обмен опытом. Бывало, что некоторые подростки и молодые люди по своему предыдущему жизненному опыту, не очень склонные к повседневной работе в клубах, превращались во «всесоюзных друзей», которые уклонялись от участия в повседневной работе коммунарских объединений, охотно ездили на большие коммунарские сборы в другие города и даже утверждали, что «коммунарство — это сборовство».

Но только оптимальное сочетание повседневной жизни коммунарских коллективов с их регулярными встречами на «всесоюзных» и «кустовых» коммунарских сборах защищало от болезни «сборовского кайфования», чем-то похожего на своего рода наркоманию. Полагаем, что это сочетание — важный феномен коммунарского образа жизни, его субкультуры (как феномена реальной педагогической действительности) и важный (очень важный!) компонент методики коллективной организаторской деятельности (как теоретического осмысления и описания «коммунарской действительности», доступного для трансляции средствами учебно-педагогической деятельности (через лекции, учебно-методические пособия, деловые игры и т.д.). У авторов этого текста такой опыт есть.

Как отмечают педагоги, супруги Л. и В. Хорош, «сборы продолжительностью 2-3 недели (или 1 месяц) обычно называют коммунарским лагерем...». Есть ещё в методике коллективной организаторской деятельности очень важный компонент — «Совет дела» (СД). Что-то вроде «комиссий» в опыте С.Т. Шацкого или «сводных отрядов» у А.С. Макаренко.

Главная задача СД, по мнению Газмана, — *«исключить деление коллектива на актив и пассивную часть: все думают, что делать, зачем и как сделать лучше, интересней... Основной механизм использования совета дела — создание внутри коллектива временных микрогрупп... для выполнения определённого дела от его планирования до завершения»*. СД, как правило, был из волонтеров по принципу: «Дело зовёт — добровольцы, вперёд!», но бывало и, что называлось, «чередованием творческих поручений» (ЧТП), когда любое дело, в том числе дежурство в лагере на кухне, осуществлялось коллективами отрядов в порядке очерёдности (без выяснения, хочет ли отряд этим заниматься, ведь питание это не прихоть, а жизненно необходимое). В некоторых случаях бывает возможность предоставить отряду выбор (например, варить обед, рубить дрова, чистить котлы). Но это не всегда. В коммунарском движении позже (в конце 70-х — начале 80-х годов) стали встречаться такие советы дела, как «штаб по направлению деятельности», «цех», «кафедра». Последние три — разновидность «постоянно действующих СД».

Методику КОД можно назвать 1-м методическим «блоком» в «конфигурации» будущей «коммунарской методики».

По поводу 2-го «блока» О.С. Газман пишет так:

«Совместное участие в педагогическом творчестве воспитанников и взрослых «грузей коммуны» обогатило первоначальный замысел принципами и методами коллективной творческой деятельности (КТД)».

Фактически, говоря «компьютерным языком», 1-й блок (КОД) стал чем-то вроде «операционной системы». А «коллективные творческие дела» — тем, что у «компьютерщиков» называется «приложениями». Благодаря «операционной системе» КОД стало возможным проводить любые КТД (трудовые, спортивные, познавательные...). Будь то «трудовой десант на поля колхоза», «олимпийские игры» или «защита фантастических проектов», коллектив, владеющий методикой организаторской деятельности, не будет долго искать организационные средства и тратить силы на митингование о том, как организовать дело. Алгоритм КОД позволяет сосредоточить внимание не на «процедурных» вопросах, а на содержательных. Эти два «блока» часто «накладываются» так, что методика проведения КТД как бы «вписывается» в методику КОД. Практика коммунарского движения показала, что методы КОД применимы не только к проведению коллективных творческих дел. Впрочем, КОД позволяет и «нетворческое», «рутинное» сделать «творческим», реализовать лозунг И.П. Иванова: «Всякое дело — творчески!».

Другой вопрос, а всегда ли надо совсем уж всякое дело превращать в «творчество»? Может быть, имеет смысл иногда «поэкономить» творческую энергию и время для чего-то действительно важного?

Сравнительный анализ практики жизнедеятельности коммунарских объединений показывает, что на самом деле выбор дела (или дел) на перспективу (мы имеем в виду не только и не столько дел «для себя», а дел «на пользу окружающим людям» очень не прост. Например, можно организовать сбор макулатуры или поехать помогать строителям Братска (как это было летом 1964 года, когда в Братске добровольно собралось около 200 юных коммунаров из 20 городов СССР). Может быть, объективно было больше пользы государству от разгруженных коммунарами товарных вагонов (чтобы заработать деньги на дорогу в Братск), чем от их же труда (тоже физического) в Братске, но с позиций нрав-

ственного и патриотического воспитания трудовой «десант» в Братск был целесообразнее. Это имеет значение не только для коллективов «целевых», создаваемых ради достижения некоей «внешней» цели. Вспомним о том, что, когда началась война, тимуровские команды в Ленинграде и Москве открыто пошли помогать раненым в госпитали, отказавшись от такого, казалось бы, неперемного атрибута «тимуровской методики», как конспирация.

КЮФ тоже был не самоцелью и создавался тоже для «внешней цели», это были цели Иванова и сэновцев, зашифрованные в девизе: «Огнём Макаренко пылать, штурмуя небо, не пищать!». Об этом открыто написала вдова И.П. Иванова: «Создание фрунзенской коммуны не самоцель, а лишь средство для выработки оптимальных путей воспитания». То есть это была цель педагогических инноваторов, может быть, цель предтечи гражданского общества, но не цель выполнения плана по благоустройству улиц, ремонту заборов, прополке колхозных полей. Для организаторов коммунарский коллектив был, как правило, средством, а его юные члены считали коллектив самоценным и средством быть не желали, даже во имя великой цели своих старших друзей. В этом серьёзное объективное противоречие. Но это жизнь. И жизнь требует не прятать это противоречие, а его решать. И решать вместе с воспитанниками. Как это делал А.С. Макаренко.

В первое время вопрос об экономии детской творческой энергии и физических сил, об их наиболее эффективном использовании в народном хозяйстве перед И.П. Ивановым и его сподвижниками не стоял. Задач обеспечить любой ценой спасения урожая для колхоза или заработать как можно больше денег тоже не стояло.

Создание воспитывающего коллектива и в нём фомирование юных общественников и организаторов (воспитание коллективистов) было главным.

Важно было не что делается, не сколько делается, а как делается.

В это «как» входило два основных критерия. Во-первых, чтобы была забота детей об улучшении окружающей жизни. Хотя бы чуть-чуть. Но чтобы «на пользу и радость». Кому? Окружающим людям. Ну, хотя бы — друзьям. Во-вторых, нужно, чтобы это было «творчески» (хотя бы не так, как до этого, ну хоть с какой-то придумкой или «хохмой»). «Всякое дело — творчески. Иначе — зачем?» Опасный девиз. А если не творчески, но при этом на пользу и радость людям, то как? Отказаться от дела? При этом часто получался эффект «цеховой самодеятельности», описанный в клубоведении. Сами участники самодеятельности довольны своим творчеством, а значение продукт их творчества имеет только... для них самих. Для окружающих ценность продукта их самодеятельности ничтожна. Но для них самое важное, чтобы «творчески». Что может быть с подрастающим человеком, если он занимается всем на свете, но всем «по чуть-чуть»? В лучшем случае он станет всесторонним дилетантом.

На первых порах И.П. Иванов и его сподвижники по СЭНу и КЮФу если и думали об этом, то это было тогда не главным. Характерно, что и планирование жизни поощряло эту разбросанность. Оно осуществлялось методом «гайдаровской разведки». Ребята могли пойти группами во все стороны света и вернуться с предложениями о том, что где-то надо засыпать лужу, где-то заделать дырку в заборе, а где-то в библиотеке нужно книжки переплести. Что окажется в плане после обсуждения, особого значения не имело, лишь бы ребята чувствовали себя авторами плана работы своего коллектива.

При этом, образно говоря, если вчера шли «смело и бодро» направо, сегодня идём налево, а завтра пойдём вбок или ещё как-нибудь. Как в одной популярной тогда у коммунаров песне: «А мне всё равно, куда и зачем, лишь бы отправиться в путь».

Кто-то из сторонников «целевых» коллективов по этому поводу иронически съязвил: «Бег на месте общеприимяющий».

А другой добавил: «Психованная романтика — по ночам картошку пропалывать». С точки зрения сторонников «целевых коллективов» девизы «Смело и бодро вперёд, победа во что бы то ни стало!» и «Наша цель — счастье людей!» юных коммунаров были пустыми декларациями, поскольку у коммунаров не было чёткой программы с обозначением того, где этот «перёд» и в чём заключается «счастье людей». Позже (в середине 60-х) коммунары — старшечки на одном из межрегиональных сборов на Урале пели: «И к коммунизму путь, проложим мы маршрут. Мы все уверены за радостный успех». Это слова из самодеятельной песни, называвшейся «Коммунарский марш» (автор нам неизвестен).

Был девиз: «Дряни любой — давай бой! Своими руками, своими ногами, своей головой!» Позже (в студенческой коммуне им. А.С. Макаренки) он был назван Ивановым «Законом борьбы» и конкретизирован: «Формализму — бой! Эгоизму бой! Равнодушию — бой! Скуке — бой! Показухе — бой!» И даже указывалось, что «формалист и бюрократ — самый ядовитый гад!» Но как дети могут бороться с формалистами и бюрократами? Не помним, чтобы об этом тогда говорили, спорили. А, может быть, и не очень-то думали.

В первых коммунарских коллективах коллективными творческими делами (КТД) могли оказаться на самом деле и игры, и праздники, и забавы, т.е. не то, что обычно принято называть делом. Тем, кто не понимал, почему делом называют игры и забавы, писатель С.Л. Соловейчик в книге «Воспитание по Иванову» откровенно объяснил, что в букете игр и забав «моделируется лучшее время, времяпрепровождение, лучший способ прожить один день человеческой жизни...». В этом контексте любая шутка, забава и весёлая проказа — дело. По этому поводу поясняли: «Здесь «педагог вовсе не воспитывает, он делает день». Многие годы С.Л. Соловейчик искал для коммунаров такое дело, чтобы всем была понятна их потребность.

И вот нашёл. Коммунары — организаторы досуга. Тоже неплохо. На факультетах культурпросветработы институтов культуры готовили профессиональных организаторов досуга. Бывают такие КТД, где применяются не все перечисленные выше «звенья» КОД. Например, бывают КТД, которые не имеют «звена» коллективного планирования» или оно сведено к работе малюсенького «оргкомитета». А бывает, что после проведения массового КТД (например, «Праздника моря», организованного коммунарами в Братске для всего города, или после микрорайонного праздника игры) в его обсуждении и оценке принимает участие лишь доля процента от общего числа участников.

Вот эти два «блока» (общая методика КОД с включением в неё методика проявления различных КТД) и стали той «конфигурацией» коммунарской методики, которая в середине 60-х годов составляла «методическое оснащение» основной массы клубов юных коммунаров. При этом такие элементы методики КОД, как «огонёк» (с общим пением и обсуждением, сидя в кругу), «совет дела», «общий сбор», институт «дежурных командиров» (ДК), применялись, по нашим наблюдениям, в большинстве коммунарских объединений.

А вот совсем редко — «сбор-откровенный разговор». Это что-то вроде «сходки» в опыте С.Т. Шацкого, когда каждый откровенно говорит о каждом (в том числе и о взрослом) всё, что о нём думает. В итоге таких разговоров кому-то присваивалось почётное звание «коммунар». Но бывало, что кто-то, обиженный, совсем уходил из коммунарского коллектива. А было и совсем наоборот. Исключённые игнорировали решение об их исключении. Такое случилось даже в клубе «Алый парус при «Комсомольской правде», которым руководил сам С.Л. Соловейчик. А ещё у юных коммунаров на сборах с участием нескольких делегаций была традиция проведения прощального вечера «Голубая лампа» с задушевными песнями по заявкам участников и душевными пожеланиями».

Немаловажное значение имело в методике и использование разного рода сюрпризов. «Например, вслед за Гайдаром и Терским Иванов успешно применял педагогический приём «коллективного сюрприза» — дело «по секрету», доставляя радость как человеку, готовящему сюрприз, так и принимающему его». Заметим, однако, что если в начале 60-х сюрпризы предпочитали делать окружающим (операции: «Ребятам двора», «Ребятам села», «Радость людям»...), то в годы застоя сюрпризы действительно стали делать в основном друг другу.

В своей статье О.С. Газман формулирует суть коммунарской методики в её наиболее развитом виде, которую называет «методикой коллективного творческого воспитания».

1. Создание коллектива на основе привлекательных для детей идеалов..., рождаемых в процессе повседневной гуманной воспитательной работы педагогов и в результате участия воспитанников в социально значимых делах. Центральное звено методики — понятие общей творческой заботы об улучшении окружающей жизни.
2. Организация деятельности как общественно значимой («для людей, для близкого и далёкого друга»), интересной для каждой личности, и творческой («творчески — иначе зачем?»), художественно оформленной (ритуалы, традиции, игровые формы).
3. Построение самоуправления на принципах периодической сменяемости организаторов с целью включения всех воспитанников в общую деятельность.
4. Основные отношения в коммунарском коллективе, проникнутые заботой о каждом ребёнке и взрослом, включающие помощь, поддержку, заинтересованность в судьбе товарища, в его успехе.
5. И.П. Иванов указывал, что успех реализации методики зависит от целого

ряда условий. В двух изданиях книги «Энциклопедия коллективных творческих дел» (1989 и 1999 годы), подготовленных к печати Л.Г. Борисовой, даётся описание следующих условий: Общая забота. Коммунистическое товарищество (в ред. 1999 года это условие названо так: «Единство уважения и товарищеской требовательности»).

Единство мыслей и действий, воли и чувств, единый коллектив (воспитанников и воспитателей). Говоря о дальнейшей судьбе методики, О.С. Газман отмечает, что «несовместимость коммунарской методики с формально-лозунговой воспитательной идеологией и инструктивно-регламентированной практикой обусловила трудности её распространения с середины 60-х до середины 80-х годов». Здесь О.С. Газман, видимо, имеет в виду коммунарское движение (движение клубов юных коммунаров), но, к сожалению, он не употребил этого термина и фактически обошёл большой круг вопросов, связанных с судьбой коммунарской методики в этом и последующих движениях.

Специальной статьи о коммунарском движении в «Педагогической энциклопедии» не оказалось. Исходя из этого факта, можно сказать, что, заметив коммунарскую методику, «педагогический Олимп» (выражение А.С. Макаренко) продолжает не замечать коммунарского движения.

По мнению О.С. Газмана, коммунарская методика легла в основу творчества известных педагогов: В.А. Караковского, А.А. Католикова, Р.Г. Подболотовой, М.П. Щетинина и других — и стала составной частью педагогики сотрудничества, способствовала перестройке внеурочной работы школы, деятельности общественных организаций детей и подростков, внешкольной работы.

Кто и что добавлял в эту методику? Как уже было сказано выше, О.С. Газман продолжал разработку методики в лагере «Маяк». *«Положение методики И.П. Иванова об отношениях сотрудничества*

поколений во 2-й половине 80-х годов получило дальнейшее развитие в демократическом принципе открытого воспитания, разработанном в экспериментальном лагере «Маяк». «В новом обогащённом виде коммунарская методика получила название методики коллективного творческого воспитания».

В.А. Караковский с успехом применял эту методику не только во внеклассной работе своей школы, но и активно использовал её в учебном процессе.

В конце 60-х и начале 70 годов нами коммунарская методика была включена в качестве «ядра» в более широкую методическую систему, названа сперва «культурмейской методикой», а позже — «методикой деятельности форпоста культуры педагогического отряда» (об этом подробнее ниже).

Причины перемен. Так почему же, несмотря на многолетнее развитие коммунарской методики, стало так трудно найти такой коммунарский сбор, который бы «зажигал» ребят и взрослых, как это было в начале 60-х годов сплошь и рядом?

Почему? Всё, вроде бы, «по правилам», по «методике», а вместо «кипятка» — «подогретая водица». В поисках причин легче всего сослаться на то, что «время сейчас не то», что «дети теперь другие». А про старших друзей сказать: «богатыри не вы». Конечно, это так, но действительно ли в этом «корень»? Думается, дело не только и не столько в этом.

Во-первых, «прежние коммунары» (конца 50-х и начала 60-х) были уверены, что они опередили своим образом жизни современников (что они живут как бы в будущем). В начале 1970 года И.П. Иванов размышлял вслух — нужно ли в официальные документы Коммуны имени Макаренко включать текст, что коммунарский коллектив — авангард. В том, что это так, И.П. Иванов не сомневался, но из «тактических» соображений он воздержался от того, чтобы заявить об «авангардизме» открыто.

Во-вторых, они были уверены, что это будущее своей активной жизнью они приближают, улучшая окружающую действительность.

«Забота об улучшении окружающей» — едва ли не самое интересное в «феномене коммунарства». (Как это понималось, как пытались «озаботить» ребят, реализовывать эту заботу, что получалось в итоге.)

В-третьих, они видели, что коммунарских коллективов становится всё больше и больше, что «окоммунарить» можно кого угодно. Даже «отпетых» хулиганов и «зачерствевших чиновников». Коммунарские коллективы создавались при районных штабах актива, редакциях газет, радио и телевидения, в домах пионеров, домах культуры, кинотеатрах, больницах, ПТУ и даже... школах. Для ребят было очевидно: коммунарское движение есть, оно растёт, ширится, становится всё более массовым.

Последние факторы можно назвать проявлением не только «активной жизненной позиции», но и проявлением «коллективной самореализации». Помните классическое определение самореализации: «Мир не устраивает человека, и человек принимает решение своим действием изменить окружающий мир, реализовать себя в этом мире?»

Нельзя сказать, что «коллективной самореализации» совсем нет в современных «коммунарских коллективах» или в коллективах, которые считают, что они «работают по коммунарской методике». Но можно сказать, что там, где этой «коллективной самореализации» больше, там и «накала» больше. Например, в Воронежской региональной детско-юношеской организации «Искра», отметившей своё тридцатилетие (в лагере, весьма похожем на коммунарский лагерь середины 60-х), кроме КТД, сборов и лагерей есть и «чувство авангарда», и «ощущение миссии», и «фактор развивающегося движения». Ведь «Искра» активно распространяет своё влияние и создаёт новые «первичные организации» в городе и области.

Не хватает разве что «мелочи» — веры в сформулированную в «наивных» строках «Коммунарского марша» начала 60-х идею: «И к коммунизму путь, проложим мы маршрут, мы все уверены за радостный успех».

Это мы сейчас поняли, что строки были наивными, но тогда ребята действительно были уверены, что они прокладывают путь в коммунистическое будущее, были действительно уверены в «радостном успехе». В песне «Коммунарский солнечный круг» были такие слова: «Каждый наш сбор — радость, задор, быть ведь иначе не может. Мы победим! Мы победим! Смело об этом твердим».

И прежде всего были уверены их старшие друзья.

Это не домысел. Вот несколько строк из первой публикации в центральной прессе (это был журнал «Комсомольская жизнь» № 5 за 1963 г.), в которой появились словосочетания «движение коммунаров», «коммунарское движение», «энтузиасты коммунарского движения». Авторы статьи — старшие друзья коммунаров, вожатые «Орлёнка» В. Малов и Л. Балашкова. Название многозначительно: «Мы живём не помаленьку». Итак, цитируем: «Движение коммунаров возникло недавно, ему всего год. (...) Цель — учиться жить по коммунистически. (...) Девиз клуба «Наша цель — счастье людей». (...) До тех пор, пока вожатый политически не развит, идейное воспитание будет хромать. Не может отсталый человек воспитать передового, какие методы ему ни дай. Ведь мы воспитываем себе подобных, хотим мы того или нет. (...)»

Неужели всё кончилось на «Орлёнке» и мечты о воспитании борца лишь мечты?»

Нынешняя «коллективная самореализация» «скромнее».

Она не «нацеливает» на «проложение путей к коммунизму», не требует «дряни любой давать бой». Она не мечтает о воспитании борцов. Она предлагает совсем иное — своего рода «тихое, мир-

ное житие». Даже хранящая память об И.П.Иванове и пропагандирующая его книги воронежская межрегиональная детско-юношеская организация «Искра» в передовице выпуска своей газеты пишет: «...кто приходит в «Искру», хотят одного — сделать жизнь творческой и интересной».

Организаторы современной коллективной самореализации детей и подростков стремятся «уйти от политики» и при этом использовать коммунарскую методику. Но в какой мере это возможно, если коммунарские коллективы зарождались именно как политические детские коллективы?

Вспомним формулировки И.П. Иванова: «Будь, коммунар, новой жизни творцом, Армии Ленина смелым бойцом!»; «...штурмуя небо, не пищать!»; «...дряни любой — давай бой!»; «...завтрашняя радость не покой, а бой!».

Завтра наступило, а какую радость нашли выросшие коммунары, какую радость несут нынешние старшие друзья ребят-там?

Выводы из опыта. Мы никого не осуждаем. А последние 17 лет вообще сознательно стараемся избегать политизации в воспитательной работе с детьми.

Считаем, что детей надо держать подальше от баррикад.

Но при этом понимаем, что эффективное использование коммунарской методики при такой «аполитичной установке» весьма проблематично. Во всяком случае, рассчитывать на «радостный успех», который сопутствовал старшим друзьям «коммунаров-шестидесятников», не приходится.

Вот в этом-то разном отношении к политике и политизации и видится та «большая разница», которая не позволяет современным последователям И.П. Иванова достаточно полно «реализовать все потенциальные возможности коммунарской методики». Надо сказать, что процесс «деполитизации» коммунарской методики начался почти сразу же после того, как

В. Малов и Л. Балашкова сообщили в прессе о начавшемся коммунарском движении.

Мало кто знал и раньше, что когда-то ЦК ВЛКСМ предлагал называть коммунарами весь «школьный комсомол». Но коммунары сами от этого отказались, и уже где-то в 1964 году методисты «Орлёнка» (чётко следящие за «ветром», дувшим из ЦК ВЛКСМ) начинали говорить, что «коммунарство» это не организация и не движение, а методика, т.е. формы, методы и приёмы воспитательной работы. Те, кто с этим был не согласен (например, тот же В. Малов), вынуждены были «добровольно» покинуть «Орлёнок». Это было началом «гонений» на коммунаров советской командно-административной системы и её борьбы против развития в СССР движения юных коммунаров. А вскоре (в 1967 году) в Харькове исключили из комсомола и сняли с работы школьной пионервожатой В. Бойцун за участие в подготовке коммунарского сбора с приглашением делегаций коммунарских клубов разных городов страны.

Вот на это «стекло» и наткнулось коммунарское движение — при той молодёжной политике государства. Именно тогда начался процесс не только «закрытия сверху», но и «самороспуска» коммунарских коллективов. Быть «гвардией» формализованного и заорганизованного школьного комсомола некоторые коммунарские объединения категорически отказывались.

Работать по «коммунарской методике» (КТД, ЧТП и т.д.) в 80-е годы вроде бы уже и не запрещалось, но всё, что было хоть чем-то похоже на «политику», на создание «организации в организации», на «противопоставление пионерии и комсомолу», пресекалось. Через несколько лет В. Бойцун восстановили в комсомоле, но коммунарское движение к этому времени подверглась уже такой «прополке», что большой коммунарский сбор состоялся только в 1989 году. Как говорится, уже «под занавес» советского строя и советского государства...

Кто выжил?

Во-первых, выжили те, кто довольствовался «малым накалом» коммунарской методики: без участия в движении (в сборах разных коллективов), без участия в политике, те, кто сознательно до минимума «прикрутил фитиль» «коллективной коммунарской самореализации» и довольствовался проведением коллективных творческих дел и не пытался объединяться в «содружества» и «движения».

Но что такое «коммунарство» и «коммунарская методика» без участия в серьёзном преобразовании окружающей жизни? С точки зрения воспитанников А.С. Макаренко, коммуна без производственной базы, без завода и производительного труда не дело, а забава. А что такое «коммунарство» без политики (без борьбы за улучшение жизни) и без массового движения, участники которого действуют «сообща и целеустремлённо»?

Не случайно С.Л. Соловейчик в последней главе «Логика Иванова» своей книги «Воспитание по Иванову» писал: «... Вот та единственная идея, которой всю жизнь служит профессор Иванов: не мир или, скажем, не столько мир действует на ребёнка, воспитывая его, сколько ребёнок в своей жизнедеятельности воздействует на мир, — и потому, именно потому он воспитывается. (...) Дети должны улучшать мир, учитель не посредник между миром и детьми, нет, он на стороне детей, он вместе с ними и во главе их. Его цель не дети, как все думают, а мир, который он улучшает вместе с детьми. Цель воспитания не в воспитании, не в «целенаправленном воздействии», а в общем вместе с детьми улучшении общей жизни, в перестройке её, как сказали бы мы сейчас. Примите, пожалуйста, возьмите в две ладони эту мысль, как берут в руки что-то хрупкое, неизвестное, непонятное, не отбрасывайте её, новую, неожиданную, переворачивающую многие наши бытовые и педагогические представления».

Вот это уже неизмеримо больше, чем организация досуга.

Говоря современным языком, это мысль о том, что в социализации детей главное — их самореализация. Ещё раз вспомним: «Мир не устраивает человека и человек своим действием принимает решение изменить мир, реализовать себя в окружающем мире». *По Соловейчику (который в приведённом напутствии, может быть, больше Иванов, чем сам Иванов), главное в воспитании — самореализация детей, а педагог их в этом «предводитель», вожатый.*

Эта идея была очевидной для старших друзей многих коммунарских объединений 60-х, но недаром Соловейчик сравнивал её с чем-то хрупким...

«Выронило» её коммунарское движение и значительная часть «посткоммунарского» движения. А что такое коммунарский коллектив без «воздействия на мир»?

Ну, коллектив друзей. Ну, несколько технологий (технология организации общины, технология коллективной психотерапии, технология воспитания организатора, технология повышения эффективности некоторых «направлений» воспитательной работы). Можно сказать, что и это немало. Да, но... Эти технологии можно назвать общечеловеческими, поскольку их можно применять в любых странах, и, кстати, в разных странах встречается нечто подобное. И не только на Кубе и в Монголии.

Но когда вместо идеала «счастье людей» предлагается благополучие группы, когда название «коллектив» заменяют названием «семья», когда бывшего «комиссара» начинают называть «отцом» («папой»), то где та грань, после которой альтруистически настроенный коммунарский коллектив начинает перерождаться в мафиозную структуру с психологией группового эгоизма? И что интересно: при этом все «атрибуты» коммунарской технологии как бы присутствуют. Но разве И.П. Иванов и его сподвижники, многочисленные их последователи 60-х годов к этому стремились?

К сожалению, среди современных лидеров детских организаций, имевших «коммунарское происхождение», встречаются

преуспевающие мафиози, скрывающие свои истинные свойства за внешней «коммунарской технологией».

И они очень опасны, поскольку они воспроизводят себе подобных.

Их не сразу разглядишь «невооружённым глазом».

А если и разглядишь, то кто и как в наше время их может остановить? Для многих коррумпированных «властьпредержащих» они просто находка. Но это особая тема.

Во-вторых, в 70-е и последующие годы выжили те, кто сумел «фитиль» детской самореализации всё-таки «раскрутить», найдя коллективной самореализации своего рода «экологическую нишу», такое её «наполнение», которое могло быть признано государством в качестве полезного и достойного для воплощения (в том числе и в форме массового молодёжного движения). Например, выжили педагогические отряды (сперва это были педотряды студентов педагогических институтов Москвы и Калуги, работавшие во дворах и в загородных пионерских лагерях).

Это отряды, которые стали родоначальниками массового движения педагогических отрядов 70-х годов.

Лидеры этого движения имели «коммунарское прошлое», но они понимали следующее:

1. «коммунарская методика» «в чистом виде» с идеей республиканского самоуправления «не проходит политически»;
2. поскольку в «очищенном от движения и политики виде» она не очень эффективна, нужно начинать новое движение»;
3. применительно к «контингенту дворовой шпаны» она неприменима без «нулевого цикла».

Дело в том, что до этого «коммунарская методика» не заботилась о «приохочивании» тех, кто не хочет в неё «играть».

Несколько десятков тех, кто захотел бы «играть» (изначально принимал «правила игры»), всегда можно было найти даже в маленьком городе.

Иное дело в рамках одного двора, где издавна «верховодят» местные «короли» и где «чужаков» не жалуют.

В этих условиях необходимо работать с теми, кто есть, с теми, кто вообще давно находится в оппозиции к миру взрослых и не хочет никаких взрослых предводителей.

С теми, кому не нужны были никакие организации, создаваемые взрослыми.

Задача была не из лёгких. Коммунарскую методику нужно было сделать ядром новой методики, коллектив нового типа «закваской» для нового движения. При этом нужно было «впрягаться» в очень трудное дело — работу с безнадзорными детьми во дворах и с дворовой «шпаной». Нужно было дополнить методику неким «нулевым циклом» (как говорят строители о рытье котлована и закладке фундамента), своего рода «предварительным усилителем» (в лексиконе электронщиков это устройство для первоначального усиления поступающего сигнала), который бы позволял «приохочивать» тех подростков, которые предпочитали уже вообще не иметь дело со взрослыми¹.

¹ Эта задача была решена и описана подробно в двух книгах Р.В. Соколова. Первая книга «Участие населения в воспитании детей и подростков по месту жительства» имела два издания (в 1992-м и в 1993-м годах) благодаря А.Г. Дмитриеву — президенту научно-внедренческой консультационной фирмы «Социнновация». Вторая книга «Социальная педагогика детско-подросткового клуба по месту жительства» ещё ждёт своего издателя. Пока с ней можно ознакомиться на сайте «Воспитание по Соколову».